

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, профессора Е.С. Сенявской на диссертационную работу Суржиковой Натальи Викторовны «Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история

Представленная Н.В. Суржиковой к защите диссертационная работа посвящена весьма актуальной для отечественной исторической науки теме — теме военного плена, вызванного событиями Первой мировой войны. Долгие годы находившаяся «в тени» событий Октября 1917 г. тематика Первой мировой войны находит своих заинтересованных исследователей только сегодня, раскрывая все новые и новые грани мирового вооруженного конфликта 1914–1918 гг. В рамках этого процесса свое особое место наконец-то обрела и проблематика плена, активно осваиваемая как в России, так и за ее пределами. На наш взгляд, обращение к этой проблематике является вкладом не только в реконструкцию объективной истории Первой мировой войны, но и представляет безусловный исследовательский интерес для конкретизации существа и особенностей плена как одной из исторически обусловленных форм несвободы в целом, а также для решения вопросов идентификации и самоидентификации российского общества.

О том, что диссертация Н.В. Суржиковой действительно нова, свидетельствует уже само ее название. Во главу угла исследователь поставила, вопреки традициям такого рода исследований, не собственно военнопленных, а военный плен. От его невнятной трактовки как «пребывания военнопленных» в N-ском месте в N-ское время автор также уходит. По мысли Н.В. Суржиковой, плен следует рассматривать как специфический социальный институт, предполагающий богатый арсенал специфических социальных практик. Так или иначе соотносясь друг с другом, эти практики обнаруживают, что плен — это действительно не просто ограниченное временем и пространством присутствие. Плен безусловно прагматичен, функционален и потому позволяет обнаруживать локально и надлокально значимые процессы социально-политического, социально-экономического и социокультурного свойства, а также пределы открытости/замкнутости локальных и надлокальных структур, уже существовавших или вновь зарождавшихся в предреволюционной, пореволюционной и постреволюционной России 1914–1922 гг.

Актуальность именно такой постановки проблемы очевидна, учитывая, что, несмотря на внушительный список специальных исследований российского плена 1914–1922 гг., меньше всего места в них отведено проблеме влияния плена на принимающие сообщества. Примером такового в работе выступает региональное сообщество, образованное населением Среднего Урала, и этот, географически суженный до регионального уровня ракурс исследования Н.В. Суржиковой, более чем резонен. Он позволил автору увидеть не только «местную» специфику плена. С выбранной позиции относительно легко обозримыми оказались те проявления плена, которые были и общероссийскими, типическими, и уникальными, исключительно периферийными. Кроме того, географически суженный ракурс исследования Н.В. Суржиковой резонен еще и потому, что именно он позволяет деконструировать те стереотипные представления о российском плене 1914–1922 гг., которые демонстрируют зарубежная и отечественная историографии.

Концептуальные рамки работы вбирают в себя как традиционные, так и инновационные технологии познания. Комбинируемые автором из главы в главу, они позаимствованы в том числе и в смежных с исторической гуманитарных науках, что превратило диссертацию Н.В. Суржиковой из просто исторического исследования в исследование междисциплинарное. Многообразные аналитические конструкции, использованные в работе, дали возможность рассмотреть историю плена 1914–1922 гг. как сразу несколько вполне автономных историй. Нельзя не заметить, что опасность дефицита цельности текста, возникшая при этом как и в любом широко задуманном междисциплинарном проекте, автор преодолела, рассматривая различные «ипостаси» плена через метафору «пространство плена» или «территория плена». И тот факт, что в повествовании, выстроенном вокруг метафорической репрезентации изучаемого объекта, явственно различимы как голоса высокопоставленных российских чиновников, так и голоса рядовых пленных иностранцев, лишний раз убеждает в состоятельности избранной стратегии исследования.

Она, однако, могла оправдать себя лишь при условии использования самых разнообразных источников. Они вбирают в себя материалы 13 местных, региональных и центральных архивов, 30 периодических и продолжающихся изданий, а также целый ряд источников личного происхождения. Важно, что вкупе с прессой именно последние, «разбавив» стереотипные в массе своей архивные документы, выгодно отличают работу Н.В. Суржиковой от прочих исследований отечествен-

ных авторов, где сухие официальные «бумаги» безоговорочно превалируют над всеми остальными свидетельствами прошлого.

Оригинальность подхода в совокупности с богатством источникового материала гарантировали баланс между нарративизмом и аналитизмом. Это наглядно демонстрирует раздел диссертации, посвященный анализу историографических источников. Исследователь не просто их перечисляет и не просто выявляет степень их ценности, но и предпринимает попытку иерархизации тех контекстов, в которые оказалась вписана история российского плена 1914–1922 гг.

Баланс фактов и выводов демонстрируют и последующие разделы работы. Н.В. Суржикова, к примеру, предлагает весьма нетривиальное решение вопроса о составе военнопленных, выдвигая на первое место не общие составляющие их облика, а прежде всего исключительные характеристики. Их сумма, основанная на анализе всевозможных косвенных данных, отрывков и обрывков тех или иных сведений, позволила показать, что пленные прежде всего походили на свое время, низвергавшее одни статусы и роли и создававшее другие. По мысли диссертанта, именно изменчивое время, а не дефекты источниковой базы и являются главным препятствием на пути к успешному моделированию обобщенного портрета пленных иностранцев.

Надо сказать, что в целом глава диссертации, посвященная статистике и географии уральского плена, не только нацеливает на понимание масштабов изучаемого явления, но и приближает к пониманию его сути. «Даже не подлежа математически точному выражению, практики перемещения и размещения узников войны напрямую указывали на то, что в пространстве плена постоянно возникали и множились альтернативные структурам военного ведомства «лагереобразные», «околагерные», «квазилагерные» и «залагерные» структуры плена, дистанцированные — в самых разных смыслах — от традиционно трактуемых в качестве «классической матрицы» (G. Davis) плена лагерей», — подчеркивает Н.В. Суржикова. (дисс., л. 219).

Идея несводимости российского плена 1914–1922 гг. к лагерю стала, по существу, концептообразующей для настоящей диссертации. Ориентируясь на изучение «квазилагерных», «залагерных» и «надлагерных» институтов плена, прежде всего

автор выделяет среди них особую экономику плена, а также его политологическую и социологические составляющие.

Н.В. Суржикой показано, что как экономический проект плен был неэффективен, основываясь на подневольном труде, лимитированном обеспечении и административном давлении. Больше того, теоретически целесообразное массовое трудоустройство пленных стало не ингибитором, а катализатором тенденций дестабилизации хозяйственной жизни страны. В этой связи трудно поспорить с выводом диссертанта о том, что российский плен с присущей ему деградацией культуры потребления, производства и управления соответствовал при этом «скорее своим архаичным образчикам, характеризовавшимся зависимостью пленников от тех людей, в чьих руках они оказались, в то время как более современные, «модерновые» гуманитарные нормы требовали предоставления узникам войны безоговорочной защиты со стороны государства» (дисс., л. 305).

Раздел работы, в котором плен интерпретируется как пространство политико-идеологических манипуляций, посвящен анализу попыток утилизации этнических, религиозных и социальных статусов пленных. При этом автор, в отличие от других российских историков, решительно отвергает сомнительную риторику помощи братьям-славянам, трактуя ее в духе политики *divide et impera* (разделяй и властвуй). Вместе с тем, Н.В. Суржикова, доказывает, что на местах политика льготного отношения к «дружественным» пленным вступала в прямое противоречие с практикой их широкой интеграции в трудовые процессы. «Этнизация» плена в этой связи во многом так и осталась лишь намерением, отказаться от которого не позволяли «репутационные издержки, связанные с реанимацией и культивацией образа России как защитницы всего славянства» (дисс., л. 338).

Неожиданным, новаторским представляется тезис о том, что большевистский лозунг «интернационализации» плена совсем не означал отказа от дифференцирующей политики в отношении пленников. Н.В. Суржикова демонстрирует, что изменились только основы их разделения, коренившиеся теперь в принципе классовости. А потому весьма трудно поспорить с выводом диссертанта о том, что и царское правительство со всеми его правопреемниками, и большевистские лидеры в своих попытках политизации плена оказались заложниками одной и той же политической культуры, покоившейся на конструировании тех или иных лояльностей (дисс., л. 359, 389–390).

Социологическое измерение плена трактуется Н.В. Суржиковой посредством отказа от унылых интенций о слабых/сильных или дружественных/враждебных контактах пленных с населением. Эти интенции, как справедливо отмечено еще в историографическом параграфе, уже исчерпали свой познавательный потенциал. Автор же предлагает рассматривать плен как средоточие процессов эксклюзии и инклюзии, уходя тем самым еще и от сомнительного позиционирования пленных в качестве маргиналов. Результатом рискованного обращения к аналитическим конструктам социологии стал вывод о том, что, «обнаруживая себя на различных уровнях общественной организации одновременно и как индивидуальности, и как соотношение целого ряда инаковых групп, и как относительно целостная субъективность, военнопленные вносили в таблицы социального поведения сумятицу» (дисс., л. 391). Тем самым Н.В. Суржикова напрямую подтвердила вывод западной историографии о том, что социальные переменные, порожденные войной, подвергли испытанию, казалось бы, незыблемые социальные устои и предвосхитили собой «перевернутое общество» времен Гражданской войны (см. об этом, напр.: Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana, 1999. P. 198).

Плен 1918–1922 гг. рассматривается диссертантом как проблема освобождения пленников. При этом в соответствии с логикой автора этот период стал временем едва ли не второго издания плена в России. По сути, Н.В. Суржикова показывает, что даже статус бывших пленных не гарантировал вчерашним узникам войны ни быстрой отправки на родину, ни свободы перемещения по стране, ни освобождения от трудовой повинности, ни права на нейтральную политическую позицию.

Резюмирующая часть диссертации, не отличаясь пространностью, тем не менее достаточно убедительна. «Институционально-прагматическая» трактовка плена, предложенная Н.В. Суржиковой, позволила выявить не только факт его качественной трансформации, но и сделать вывод об усложнении современных Первой мировой войне обществ. «Плен тем самым олицетворял собой неизбежное и всепобеждающее наступление эпохи «модернити» с характерным для неё уплотнением времени и пространства, с одной стороны, и постепенным преумножением ролей или, как минимум, масок человека — с другой стороны», — постулирует диссертант в итоге (дисс., л. 477).

Как представляется наиболее важные результирующие исследования Н.В. Суржиковой, уже прошедшие апробацию в многочисленных публикациях автора (в том числе 2 монографиях и 22 статьях в изданиях перечня ВАК), станут безусловным вкладом в историографию проблемы.

Наряду с общей, безусловно высокой оценкой работы, необходимо отметить и присущие ей отдельные недостатки.

1. Верхние хронологические рамки работы ограничены 1922 г., когда была закончена организованная отправка военнопленных Первой мировой войны на родину. Однако сама Н.В. Суржикова неоднократно отмечает, что это было только формальное решение проблемы, в связи с чем представляется логичным несколько расширить хронологию работы.

2. Приведенный в работе анализ отечественной и зарубежной историографий несимметричен: работы отечественных исследователей автор блокирует по тематическому признаку, тогда как публикации зарубежных историков рассматриваются едва ли не поименно.

3. Продолжения своего изучения заслуживают разнообразные динамические характеристики плена, тем более что в работе фактически выработана методика решения этой проблемы. Здесь же следует отметить недостаточную корреляцию данных о пленении вражеских военнослужащих в годы Первой мировой войны и данных об их размещении на Среднем Урале.

4. К очевидным недостаткам диссертационного исследования относится неравномерность в изучении периода, охватывающего 1914–1917 гг., и хронологического отрезка, вмещающего в себя 1918–1922 гг., что явно требует пояснений, которые в работе отсутствуют.

5. Настоящую работу, вне всякого сомнения, не просто украсили бы, но и углубили сравнения российского плена с его зарубежными аналогами, равно как и с пленом периода Второй мировой войны. Отсутствие последних тем более странно, что автор диссертации является признанным специалистом по истории советского плена 1942–1956 гг. Эти сравнения, на наш взгляд, лишь усилили бы основной посыл диссертации, — посыл о том, что феноменологически плен был значительно сложнее, чем принято считать, и что он вполне может быть одной из проекций рассмотрения российского общества и его исторических практик.

Высказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей положительной и весьма высокой оценки серьезного научного исследования Н.В. Суржиковой, которое полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям по специальности 07.00.02 - «Отечественная история».

Основные положения и выводы диссертации отражены в публикациях автора, неоднократно представлялись им на международных и российских научных конференциях и хорошо известны научному сообществу. Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание.

Полученные результаты и выводы диссертационного исследования Н.В. Суржиковой на тему «Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)» представляют значительный научный интерес и могут быть использованы как в дальнейшей разработке важных проблем исторической науки, так и в учебной практике.

С точки зрения масштаба проделанной работы, достоверности, новизны и научно-практической значимости полученных результатов, продемонстрированного в ходе исследования высокого профессионального уровня, Н.В. Суржикова заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - «Отечественная история».

Официальный оппонент:

ведущий научный сотрудник Центра
Изучения новейшей истории России и политологии
ФГБУН «Институт российской истории РАН»
(117036, РФ, г.Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19;
e-mail: homobelli@mail.ru)

доктор исторических наук, профессор

Е.С. Сенявская

Е.С. Сенявская

20 ноября 2015 г.

